

Н. Л. Блищ

Образ А. Ремизова в творчестве В. Набокова-Сирин

В статье впервые исследуется рецепция творчества А. Ремизова в творческом наследии В. Набокова, раскрываются способы отражения его образа. В ряде художественных произведений Набокова встречаются персонажи-художники, наделенные ремизовскими чертами: странностями внешности, артистизмом и пристрастием к рисованию, различным игровым формам.

Ключевые слова: звукосемантика, мифопоэтика, реминисцентный фон, паронимическая аттракция, рефлексия.

N. L. Blishch

A. Remizov's phantom in the works of V. Nabokov-Sirin

The paper deals with V. Nabokov's view on A. Remizov's creative legacy. Remizov's style and his multifaceted image had been consistently reflected in Nabokov's works but these reverberations are not so evident. More than that, there are characters with "Remizov's" portrait attributes in some of Nabokov's writings.

Keywords: phonosemantics, mythopoetics, reminiscence background, paronymic attraction, reflexion.

Несмотря на напряженность и даже экспрессивность личных отношений А. Ремизова и В. Набокова¹, между писателями всю жизнь длился творческий диалог. Ремизов в цикле автобиографических книг создает легенду о русском писателе-эмигранте и окружает ее множеством металитературных эссе о классиках и художниках-современниках, пишет альтернативную историю развития русской литературы. Снискавший славу «гения тотального воспоминания» В. Набоков, в свою очередь, открывает особый тип автобиографической прозы². «Подстриженными глазами» (Париж, 1951) А. Ремизова и «Другие берега» (Нью-Йорк, 1954) (англоязычный вариант автобиографии – «Speak Memory», London, 1951) Набокова являются финальными версиями двух автобиографий, прежде фрагментами рассеянных в других произведениях писателей. По сути это металитературные автокомментарии с высокой степенью авторефлексии. Оба художника раскрывают истоки творческой памяти, прослеживая сложный узор образов семейной и литературной генеалогии: Набоков видит «узор судьбы» в реализовавшихся литературных сюжетах, а Ремизов распутывает «узлы и закруты» литературной памяти.

Дебютный рассказ В. Сирин «Нежить» (Руль. 1921, 7 января) восходит к сказке Ремизова с названием «Нежит» (впервые опубли.: Золотое руно. 1907. № 7–9). Сирин копирует стилистический

узор Ремизова, перенимая его «фирменные» приемы. Мотивные переключки и текстуальные совпадения позволяют предположить, что в образе лесного духа – Нежити – Сирин создает стилистический и мифопоэтический портрет Ремизова. Ремизовский образ Нежити – «неприкаянного» скитальца «без души, без обличья» [13, с. 149], Сирин превращает в символ новой эмигрантской реальности – изгнанного бездомного призрака – Нежить.

Тайное взаимодействие художественных миров В. Набокова и А. Ремизова можно проследить через их интерпретации текста-посредника, которым в данном случае является наследием Гоголя. Кстати, претензия обоих на роль гоголевского наследника была подмечена сразу: «Два современных русских писателя, друг другу всем противоположные и, насколько мне известно, отнюдь не склонные к взаимно высокой оценке – Набоков-Сирин и Ремизов, – оба выделяют Гоголя и от него ведут свою родословную» [2, с. 101]. Оба писателя-эмигранта создали свои литературно-художественные книги о Гоголе. В 1920–40-е гг. Ремизов написал серию эссе о Гоголе и напечатал их в эмигрантских изданиях, а позже весь этот металитературный цикл о Гоголе вошел в книгу «Огонь вещей. Сны и предсонье» (Париж, 1954). В начале 1940-х В. Набоков выпустил на английском языке книгу «Nikolai Gogol» (Norfolk, Conn., 1944). Главное, что роднит эти

книги, – стремление раскрыть потенциальные возможности смысловой трансформации мотивов и образов Гоголя, отрешаясь от историко-литературных стереотипов.

Переключкой с Гоголем можно считать то обстоятельство, что в поэтиках Ремизова и Набокова-Сирина символом иррациональной художественности стал символ алфавитный – последняя буква церковнославянской азбуки «ижица», на которую, кстати, был похож рот гоголевского персонажа из повести «О том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Визуально буква напоминает видимую издали летящую птицу или выстроившуюся в клин стаю журавлей. Эта буква становится фирменным знаком в рукописях и автографах Ремизова, в его причудливых сигнатурах на «обезьяньих грамотах».

Набоков в графическом начертании буквы «ижица» обнаруживал латинскую букву «V» (монограмма автора), напоминавшую, в свою очередь, полусложенные крылья птицы или бабочки. В романе «Приглашение на казнь» (1938) через этот алфавитный символ выражена проблема понимания/непонимания поэта толпой³: «Окружающие понимали друг друга с полуслова, – ибо не было у них таких слов, которые бы кончались как-нибудь неожиданно, на ижицу, что ли, обращаясь в пращу или птицу, с удивительными последствиями» [9, с. 57]. Поскольку главным в романе является мотив поэтического бессмертия, то «алфавитная» метафора, восходящая к образу птицы, метонимически связана с образом пера и идеей писательского дара. Ценностные интенции Ремизова также связаны с представлением о птичьем пере как о знаке писательской незаурядности, не случайно одна из последних подготовленных к публикации книг Ремизова называлась «Книга, написанная павлиньим пером».

Характерно, что набоковский Цинциннат, являющий собой собирательный образ художника-творца, наделяется подчеркнуто выразительными птичьими чертами: у него были «легкие, тонкие» кости, хрупкие шейные позвонки, а руки совершали «порхающие движения». Герою казалось, что в полете он «без усилия проскользнет за кулису воздуха, в какую-то воздушную световую щель» [9, с. 119].

Набоковеды, исследуя роман «Приглашение на казнь» (1938), не раз проводили параллели между главным героем и Пушкиным, Гоголем, Блоком, Белым, Чернышевским, самим Сириным и т. д. С нашей точки зрения, с существующими

интерпретациями может соседствовать и «ремизовская». Узнавание Ремизова как одного из прототипов главного героя мотивировано прежде всего созданными в эмигрантской мемуаристике характерологическими клише. Ремизовская карпалистика (а этот термин употребляется Набоковым в романе «Пнин») включает в себя малорослость, сильную близорукость, прическу «ежиком», коллекцию игрушек в кабинете, увлечение старинными книгами и древними письменностями, занятия графикой и рисованием, гипнологические опыты, страсть к мистификациям и розыгрышам. Вспомним, что Цинциннат был определен «по причине маленького роста» в мастерскую детских игрушек, где «по вечерам же упивался старинными книгами» [9, с. 57]. Упоминание о том, что «Цецилия зачала его ночью на Прудах» [9, с. 55], отсылает к названию первого символистского романа Ремизова «Пруд». Обвинение Цинцинната в «гносеологической гнусности» и «непрозрачности» может интерпретироваться как намек на абсолютную непроницаемость текстов Ремизова для массового сознания.

В мемуаристике многократно описаны игрушки Ремизова, украшавшие его кабинет. Это были не только персонажи его произведений, но и образы личной мифологии. Основу книги «Посолонь» составили сюжеты детских игр, в которых Ремизов разглядел реликты древних мифов и образы игрушек, в которых он различал «портреты» забытых богов. Вспомним, что Цинциннат, работая в мастерской детских игрушек, «занимался изготовлением мягких кукол для школьниц, – тут был маленький волосатый Пушкин в бекешке, и похожий на крысу Гоголь в цветистом жилете, и старичок Толстой, толстоносенький, в зипуне, и множество других ...» [9, с. 58]. Игрушечные образы русских писателей в сочетании с темой сновидческого мира, в котором, по мнению набоковского героя, «больше истинной действительности», чем в «нашей хваленой яви» [9, с. 101], вызывают стойкую ассоциацию с металитературными эссе Ремизова на тему «сновидения» в русской литературе, публиковавшимися в эмигрантской печати в 1920–30-е гг. и составившими книгу «Огонь вещей: сны и предсонье» (Париж, 1954).

Призрак А. Ремизова угадывается и в других произведениях Набокова. Ремизовскими чертами обычно наделяются персонажи-художники – обладатели тайных сверхъестественных способностей. В романе «Король, дама, валет» (1928) интересен образ старичка Менетекелфареса, кото-

рого «сам черт не проймет» [7, с. 168]. С каждым его появлением в таинственной глубине берлинской квартиры, где обитает главный герой романа, ассоциации с образом Ремизова крепнут: то в связи со «взьерошенностью» прически и лохматостью бровей, то в связи с чайником в руках и подчеркнута театральными жестами персонажа. Узнаваемой выглядит и такая деталь ремизовского биографического мифа, как легенда о гневной супруге, придуманная самим старичком, хотя смысловая зона этого мотива лежит вне романа и располагается в плоскости метабиографической. Набокову гораздо важнее увести читателя в область «гоголевско-достоевской» страсти прототипа к лицедейству: «он открыл в себе удивительный дар – превращаться вечером, по выбору, либо в толстую лошадь, либо в девочку лет шести, в матроске» [7, с. 195]. По сути дела, образ старичка символизирует творца-художника вообще, «ибо на самом деле – но это, конечно, тайна, – был он знаменитый иллюзионист и фокусник» [7, с. 195].

Узнаваемы отдельные черты Ремизова и в образах художников из романа «Отчаяние» (1934). О художнике Ардалионе, именем своим напоминавшем о героях Достоевского и Сологуба, сообщается, что «питался он в русском кабачке», который разрисовал драконами (персонажами русских сказок): «был он москвич и любил слова этакие густые, с искрой, с пошлейшей московской прищуринкой» [8, с. 415]. Второй художник – по фамилии Орловиус – «был до глупости близорук» [8, с. 421]. Кстати, именно мотив сильной близорукости, культивируемый самим Ремизовым в автобиографической легенде, часто становится у Набокова способом «перифрастического намека» на писателя-лицедея. Образный атрибут очков с толстыми линзами, вероятно, выражает идею символистской отрешенности художника. Не случайно в романе «Дар» появляется писатель Ширин «в больших очках, за которыми, как в двух аквариумах, плавали два маленьких, прозрачных глаза, совершенно равнодушных к зрительным впечатлениям» [9, с. 490].

В романе «Пнин» (1957) А. М. Ремизов и его жена С. П. Ремизова-Довгелло послужили прототипами для образов соотечественников профессора Пнина – Олега и Серафимы Комаровых, которые обучали своих аспирантов «затхлым русским обычаям». Впервые этот факт был аргументирован М. Безродным: «Помимо очевидного подобия личных имен у мужчин и совпадения у женщин, обращает на себя внимание полное

портретное сходство набоковских героев с их прототипами. Малорослость Ремизова (особенно заметная, когда рядом с ним оказывалась его корпулентная супруга), стрижка ежиком и курносость – все это сразу бросалось в глаза и не раз было запечатлено в шаржах и мемуарах» [14, с. 625–628]. К этой любопытной находке нам остается добавить, что чета Ремизовых уже мелькала на страницах набоковской прозы. Эта колоритная пара «прописалась» и в рассказе В. Набокова «Василий Шишков»: «обширная дама (кажется, переводчица или теософка) с угрюмым маленьким мужем, похожим на черный брелок» [10, с. 409]. Хотя комментаторы текста указывают на З. Гиппиус и Д. Мережковского, смеем настаивать, что здесь выведена именно чета Ремизовых.

В этом же ключе интересен и эпизодический образ писателя Василия Соколовского в последнем из завершенных романов Набокова «Look at the Harlequins!» (Нью-Йорк, 1974, в русском переводе «Смотри на арлекинов!»). Комментаторы считают, что источником этого пародийного образа послужил Д. С. Мережковский («как главный соперник Бунина и автор многотомных исторических произведений» [5, с. 637]). Однако есть основания полагать, что прототипом образа Соколовского был именно Ремизов. Вот как Набоков рисует портрет писателя: «Фигурой куда менее привлекательной был старинный соперник И. А. Шипоградова, щуплый человек в обвислом костюме, Василий Соколовский (странно прозванный И. А. «Иеремией»)» [5, с. 165].

Напомним, что в творческой памяти Набокова прочно закрепилась парность восприятия двух соперников – Ремизова и Бунина. На заре писательского самоопределения, одновременно со стилизацией под Ремизова в «Нежити», Сирином написан рассказ «Наташа»⁴ (1921), который был стилистически ориентирован на бунинскую манеру письма. В галерее пародийных портретов писателей-современников в романе «Смотри на арлекинов!» чертами Бунина обладает «отменный романист и недавний нобелевский призер...» [5, с. 165] Иван Шипоградов (заметим, что фамилия «романиста» связана с названием первого эмигрантского сборника И. А. Бунина «Роза Иерихона»). «Старинным соперником» И. А. Шипоградова (Бунина) в представлении Набокова мог быть только Соколовский (Ремизов). Сочетание фамилии Соколовский с прозвищем Иеремия отсылает сразу к двум ремизовским сюжетам – «птичьему» автомифу и жизнетворческой агиографии.

Бунин считал Ремизова последователем пророка Аввакума и копиистом нелюбимого им за «пророчества» Достоевского. Набоков уже обыгрывал сравнение Ремизова (с использованием «достоевских» ассоциаций) с ветхозаветным пророком Мельхиседеком. В «Короле, даме, вальете» упомянутый выше «старичок с чайником» Менетекелфарес – иронический римейк иконографического Мельхильседека (на иконах его изображали с кувшином вина).

Проступает в шаржированном образе Соколовского и ряд других примет Ремизова. По словам автора, персонаж-писатель посвящает «том за томом мистической и общественной истории украинского клана, основанного в шестнадцатом веке скромной семьей из трех человек, но к тому шестому (1920-й) ставшего селом, обильным мифологией и фольклором» [5, с. 165]. Ирония в данном случае направлена на мифологизацию Ремизовым родословной жены. С. П. Ремизова-Довгелло, согласно легенде, происходила от литовского княжеского рода Задор-Довгелло и украинского гетмана Самойловича. В книгах «В поле блакитном» (Берлин 1922) и «Оля» (Париж, 1927) Ремизов создал миф об «огненной Серафиме», уроженке Черниговщины, давшей обет безбрачия, ставшей эсеркой и посвятившей себя революции.

В полном объеме биографическая трилогия о героической судьбе С. П. Довгелло под названием «В розовом блеске» вышла в Нью-Йорке в 1952 г. Доказательством того, что Набоков знал об этой книге, может послужить первый номер журнала «Опыты» за 1953 год, где в разделе «Библиография» по соседству с похвальной рецензией Ю. Иваска на сборник стихов Набокова была подробная рецензия на книгу А. Ремизова «В розовом блеске». Несмотря на заявления Набокова о равнодушии к критическим оценкам, похвала Иваска, отметившего «счастлиную виртуозность словесного» его творчества, которая «была только у Гоголя (всегда) и Андрея Белого (иногда)» [4, с. 197], была им точно замечена. Разумеется, не ускользнула от ревнивого взгляда и рецензия на книгу Ремизова, которую писатель иронично назвал «мистической историей украинского клана».

Помимо образа писателя Соколовского, ремизовскую тему в романе «Смотри на арлекинов!» продолжает образ машинистки писателя В. В. – Любови Серафимовны Савич. С одной стороны, это пародийный собирательный образ жен русских писателей. Имя «Любовь» отсылает к под-

тексту «Прекрасной дамы» А. Блока, однако в сочетании с фамилией «Савич» (вероятно, это анаграмма имени и фамилии известной революционерки Сары Раич) и отчеством «Серафимовна» оно вызывает ассоциации с С. П. Ремизовой-Довгелло. Вспомним, что герой Набокова отмечает, как «обольстителен был этот сплав “любви” с “Серафимом”, крестным именем раскаявшегося террориста!» [5, с. 170]. Серафима Довгелло, по версии Ремизова, после знакомства с ним разошлась во взглядах с Б. Савинковым (лидером Боевой организации) и стала «раскаявшейся террористкой».

Призрачное присутствие Ремизова в книгах Набокова лишь единственный раз «сгущается» в прямое именование. Вот как охарактеризован писатель в книге «Другие берега»: «Ремизова, необыкновенной наружностью напоминавшего мне шахматную ладью после несвоевременной рокировки, я почему-то встречал только во французских кругах, на скучнейших сборищах Nouvelle Revue Francaise, и раз Paulhan зазвал его и меня на загородную дачу какого-то мецената, одного из тех несчастных дойных господ, которые, чтоб печататься, должны платить да платить» [10, с. 317].

Набоковское шахматное сравнение по своей точности и многоплановости сопоставимо только с гоголевскими образцами. Писательский облик Ремизова соотносится с шахматной ладьей – фигурой, которая, как известно, в древнейшей арабской игре в шатрандж восходила к образу мифической птицы Рух (араб. «روح»)⁵. В англоязычной практике ладья называется «rook», а в шахматной нотации передается литерой «R», что совпадает с первой буквой фамилии писателя. Шахматный двуединный ход рокировки предполагает встречное движение ладьи и короля, в роли которого на эмигрантском «игровом поле» мог выступать только Бунин. «Несвоевременная рокировка» чревата ситуацией беспомощности и ненужности выведенной на центральные поля ладьи, что, с точки зрения Набокова, и символизирует несуразность и нелепость появления Ремизова с его непереводаемым «русским стилем» на литературных «елисейских полях», то есть в кругу французских интеллектуалов.

В предисловии к английскому переводу романа «Дар» («The Gift»), которое было написано в Монреале в 1962 году, Набоков признается, что русская эмиграция первой «волны» кажется ему теперь «мифическим племенем», чьи иероглифы он извлекает «из праха пустыни»: «Этого мира

больше нет. Нет Бунина, Алданова, Ремизова. Нет Ходасевича – величайшего русского поэта, какого доселе породил XX век. Старая интеллигенция вымирает, не найдя себе преемников...» [12, с. 50]. Интересно, что в данной конфигурации имен художников из дружественного Набокову окружения неожиданно упомянут Ремизов. Возможно, мотив «ухода» и образы следов «мифического племени» в творческом мышлении Набокова связаны с Ремизовым. Напомним, что в дебютном рассказе Сирина его герой-«нежить» сокрушался: «...никого из племени нашего на Руси не осталось. Одни туманом взвились, другие разбрелись по миру» [6, с. 31]. Финал сиринского рассказа «Нежить» («А ведь мы вдохновенье твое, Русь...») – почти дословно перекликается со строфой стихотворения «Поэты» (1939), посвященного Набоковым памяти Вл. Ходасевича: «А мы ведь, поди, вдохновение знали...»⁶. Таким образом, ностальгические мотивы предисловия к роману «Дар» и общая тональность этого «романа-прощания» с русской литературой созвучны лирической интонации В. Набокова, расстающегося не только с другом-поэтом, но и с русским периодом творчества вообще: «Пора, мы уходим – еще молодые, / со списком еще не пришившихся снов, / с последним, чуть зримым сияньем России / на фосфорных рифмах последних стихов» [11, с. 205]. Призрак Ремизова вновь появляется в решающий для писательского самоопределения период.

Библиографический список

1. Аверин, Б. Дар Мнемозины: Романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции [Текст] / Б. Аверин; – СПб.: Амфора, 2003. – 400 с.
2. Адамович, Г. Одиночество и Свобода: Литературно-критические статьи [Текст] / Г. Адамович / послесл. и коммент. Л. Аллена. – СПб.: Logos, 1993.
3. Джонсон, Д. Б. Миры и антимирсы Владимира Набокова [Текст] / Дональд Бартон Джонсон; пер. с англ. Т. Стрелковой, послесл. Е. Белодубровского. – СПб.: Симпозиум, 2011. – 352 с.
4. Иваск, Ю. Рифма (Новые сборники) [Текст] / Юрий Иваск // Опыты: литературный журнал. – 1953. – № 1. – С. 194–198.
5. Набоков, В. В. Американский период. Собрание сочинений [Текст] : в 5 т. Т. 5 / Владимир Набоков; пер. с англ., сост. С. Ильина, А. Кононова. Комментарии С. Ильина, А. Люксенбурга. – СПб.: Симпозиум, 1999. – 704 с.
6. Набоков, В. В. Русский период. Собрание сочинений [Текст] : в 5 т. Т. 1 / Владимир Набоков; сост. Н. Артеменко-Толстой; предисл. А. Долинина. Прим. М. Маликовой. – СПб.: Симпозиум, 1999. – 832 с.

7. Набоков, В. В. Русский период. Собрание сочинений [Текст] : в 5 т. Т. 2 / Владимир Набоков; сост. Н. Артеменко-Толстой; предисл. А. Долинина; прим. М. Маликовой, В. Полищук, О. Сконечной, Ю. Левинга, Р. Тименчика. – СПб.: Симпозиум, 1999.

8. Набоков, В. В. Русский период. Собрание сочинений [Текст] : в 5 т. Т. 3 / Владимир Набоков; сост. Н. Артеменко-Толстой; предисл. А. Долинина; прим. О. Сконечной, А. Долинина, Г. Уотгофа, А. Яновского, Ю. Левинга, М. Маликовой, Р. Тименчика. – СПб.: Симпозиум, 2006. – 848 с.

9. Набоков, В. В. Русский период. Собрание сочинений [Текст] : в 5 т. Т. 4 / Владимир Набоков; сост. Н. Артеменко-Толстой; предисл. А. Долинина; прим. О. Сконечной, А. Долинина, Ю. Левинга, Г. Глушанок. – СПб.: Симпозиум, 2004. – 782 с.

10. Набоков, В. В. Русский период. Собрание сочинений [Текст] : в 5 т. Т. 5 / Владимир Набоков; сост. Н. Артеменко-Толстой; предисл. А. Долинина; прим. А. Долинина, Ю. Левинга, О. Сконечной, М. Маликовой, А. Бабиковой, Г. Глушанок. – СПб., 2008. – 832 с.

11. Набоков, В. В. Стихотворения [Текст] : Новая Библиотека поэта / Владимир Набоков; подг. текста, сост., вступ. ст. и примеч. М. Маликовой. – СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 2002. – 674 с.

12. Набоков, В. В.: pro et contra [Текст] / Владимир Набоков; сост. Б. Аверина, М. Маликовой, А. Долинина; комментарии Е. Белодубровского, Г. Левингтона, М. Маликовой, В. Новикова; библиогр. М. Маликовой. – СПб.: Русский путь, 1997. – 976 с.

13. Ремизов, А. М. Собрание сочинений [Текст] : в 10 т. Т. 2. Докука и балагурье / Алексей Ремизов; подгот. текста, послосл., коммент., приложен. И. Ф. Даниловой; Ин-т русской литературы (Пушкинский дом) РАН. – М.: Русская книга, 2000. – 720 с.

14. Bezrodnyj M. Супруги Комаровы [Текст] / М. Безродный // Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 31. – 1990. – №4. – P. 625–628.

15. Field A. The life and art of Vladimir Nabokov [Текст] / Andrew Field. – New York, 1986.

Bibliograficheskij spisok

1. Averin, B. Dar Mnemoziny: Romany Nabokova v kontekste russkoy avtobiograficheskoy traditsii [Tekst] / B. Averin; – SPb.: Amfora, 2003. – 400 s.
2. Adamovich, G. Odnochestvo i Svoboda: Literaturno-kriticheskiye stat'i [Tekst] / G. Adamovich / poslesl. i komment. L. Allena. – SPb.: Logos, 1993.
3. Dzhonson, D. B. Miry i antimiry Vladimira Nabokova [Tekst] / Donal'd Barton Dzhonson; per. s angl. T. Strelkovoy, poslesl. Ye. Belodubrovskogo. – SPb.: Simpozium, 2011. – 352 s.
4. Ivask, YU. Rifma (Novyye sborniki) [Tekst] / Yuriy Ivask // Opyty: literaturnyy zhurnal. – 1953. – № 1. – S. 194–198.

5. Nabokov, V. V. Amerikanskiy period. Sobraniye sochineniy [Tekst] : v 5 t. T. 5 / Vladimir Nabokov; per s angl., sost. S. Il'ina, A. Kononova. Kommentarii S. Il'ina, A. Lyuksenbura. – SPb.: Simpozium, 1999. – 704 s.

6. Nabokov, V. V. Russkiy period. Sobraniye sochineniy [Tekst] : v 5 t. T. 1 / Vladimir Nabokov ; sost. N. Artemenko-Tolstoy ; predisl. A. Dolinina. Prim. M. Malikovoy. – SPb.: Simpozium, 1999. – 832 s.

7. Nabokov, V. V. Russkiy period. Sobraniye sochineniy [Tekst] : v 5 t. T. 2 / Vladimir Nabokov; sost. N. Artemenko-Tolstoy ; predisl. A. Dolinina ; prim. M. Malikovoy, V. Polishchuk, O. Skonechnoy, YU. Levinga, R. Timenchika. – SPb.: Simpozium, 1999.

8. Nabokov, V. V. Russkiy period. Sobraniye sochineniy [Tekst] : v 5 t. T. 3 / Vladimir Nabokov ; sost. N. Artemenko-Tolstoy ; predisl. A. Dolinina ; prim. O. Skonechnoy, A. Dolinina, G. Uotgofa, A. Yanovskogo, YU. Levinga, M. Malikovoy, R. Timenchika. – SPb.: Simpozium, 2006. – 848 s.

9. Nabokov, V. V. Russkiy period. Sobraniye sochineniy [Tekst] v 5 t. T. 4 / Vladimir Nabokov; sost. N. Artemenko-Tolstoy ; predisl. A. Dolinina; prim. O. Skonechnoy, A. Dolinina, YU. Levinga, G. Glushanok. – SPb.: Simpozium, 2004. – 782 s.

10. Nabokov, V. V. Russkiy period. Sobraniye sochineniy [Tekst] : v 5 t. T. 5 / Vladimir Nabokov ; sost. N. Artemenko-Tolstoy ; predisl. A. Dolinina ; prim. A. Dolinina, YU. Levinga, O. Skonechnoy, M. Malikovoy, A. Babikovoy, G. Glushanok. – SPb., 2008. – 832 s.

11. Nabokov, V. V. Stikhotvoreniya [Tekst] : Novaya Biblioteka poeta / Vladimir Nabokov ; podg. teksta, sost., vstup. st. i primech. M. Malikovoy. – SPb.: Gumanitarnoye agentstvo «Akademicheskii proyekt», 2002. – 674 s.

12. Nabokov, V. V.: pro et contra [Tekst] / Vladimir Nabokov ; sost. B. Averina, M. Malikovoy, A. Dolinina; kommentarii Ye. Belodubrovskogo, G. Levingtona, M. Malikovoy, V. Novikova ; bibliogr. M. Malikovoy. – SPb.: Russkiy put', 1997. – 976 s.

13. Remizov, A. M. Sobraniye sochineniy [Tekst] : v 10 t. T. 2. Dokuka i balagur'ye / Aleksey Remizov ; podgot. teksta, poslov., komment., prilozhen. I. F. Danilovoy; In-t russkoy literatury (Pushkinskiy dom) RAN. – M.: Russkaya kniga, 2000. – 720 s.

14. Bezrodnyj M. Suprugy Komarovy [Tekst] / M. Bezrodnyy // Cahiers du monde russet soviétique. Vol. 31. – 1990. – №4. – R. 625–628.

15. Field A. The life and art of Vladimir Nabokov [Tekst] / Andrew Field. – New York, 1986

¹ По версии набокковского биографа Эндрю Филда, уже пожилой Набоков вспоминал о Ремизове: "He detested me. We were very polite to each other... The only nice thing about him was that he really lived in literature" [15, с. 188]. Перевод: «Он ненавидел меня. Мы были подчеркнуто вежливы друг к другу... Хорошего в нем было только то, что он действительно жил литературой».

² В русской автобиографической традиции «ближайший историко-литературный контекст» для набокковской темы памяти, по мнению Б. Аверина, составили «Котик Летаев» А. Белого, «Младенчество» В. Иванова и «Жизнь Арсеньева» И. Бунина. «Несомненной близостью к тому же контексту отличается проза Ремизова с ее "панавтобиографизмом", с неустанной работой творческой памяти» [1, с. 33], – пишет исследователь, однако, к счастью, не ставит для себя задачи развивать эту мысль, ссылаясь на ограничительные рамки монографии. За эту исследовательскую нежность я очень признательна Б. Аверину.

³ «То, что Набоков в качестве неожиданной буквы выбрал «ижицу», – не случайно, как не случайно и его замечание о том, что она способна менять «с удивительными последствиями» немотивированную фигуру речи. Ижица – последняя буква старого церковнославянского алфавита, литургического письма славянских народов, которому около тысячи лет. <...> Церковнославянская «ижица», в свою очередь, произошла от греческой «ипсилон» (Υ), имеет форму V и, как намекает Набоков, внешне напоминает рогатку или фронтальный вид птицы в полете – оба этих образа визуально намекают на стремление Цинцинната к тому, чтобы его заключенные слова (как и он сам) поднялись на крыло, чтобы ему удалось найти общий язык с его согражданами» [3, с. 59]. К этому блестящему наблюдению Дональда Бартона Джонсона хотелось бы добавить лишь, что «рогатку» можно воспринимать и как метонимию смерти птицы.

⁴Черновой автограф рассказа В. Набокова был обнаружен А. Бабиковым среди рукописей в вашингтонском архиве писателя и при участии Г. Барабтарло подготовлен к публикации. См.: Владимир Набоков. Наташа // Новая Газета. – 2008. – № 43.

⁵Есть еще значения «душа», «привидение», которые могут иллюстрировать поэтическую версию о Ремизове-призраке.

⁶Выражаю благодарность за указание на параллели со стихотворением «Поэты» А. В. Леденева.